

УДК 398.22(512.1)
DOI 10.25587/e5619-8828-9037-m

А. С. Халилов

Институт фольклора НАН Азербайджана

ТЮРКСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ТВОРЧЕСТВО НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

(статья посвящается 880-й годовщине Низами Гянджеви)

Аннотация. Статья посвящена изучению тюркской эпической традиции, нашедшей своё отражение в средневековой азербайджанской литературе. Цель настоящей статьи – проследить влияние тюркского эпоса на творчество великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви и обнаружить структурные элементы эпоса в его произведениях.

В статье произведения поэта исследованы в контексте взаимоотношений устной и письменной традиций. Новизна работы заключается в том, что творчество Низами Гянджеви впервые рассматривается с целью изучения структурных элементов тюркской эпической традиции. Материалом для исследования являются произведения поэта и материалы огузского эпоса, включая древнетюркский эпос «Хаган Шу», «Книгу Деда Коркуда», «Лейли и Меджнун» и др. Проведен историко-сравнительный и функционально-семантический анализ эпических элементов, выявленных в творчестве Низами Гянджеви и в устной традиции тюркского эпоса. Также применены описательный и структурно-семантический методы.

Анализ подтверждает, что творчество Низами Гянджеви содержит традиции тюркского эпоса и их различные элементы, в т. ч. образы, мотивы и сюжеты. При этом, некоторые из них способны расширить сведения о древнем тюркском эпосе, т. к. определенные элементы и мотивы в произведениях поэта сохранены в более старых формах. Следовательно, эпические элементы, зафиксированные в произведениях Низами Гянджеви, представляют собой ценный источник для сравнительного изучения с современными эпическими материалами, и дают возможность определить структурно-функциональные изменения в них. Такой диахронический анализ, на наш взгляд, может помочь определить древние формы тюркского эпоса, а также других традиционных фольклорных жанров – легенд, преданий и дастанов.

В работе особо подчеркивается значение творчества Низами Гянджеви, как одно из достоверных источников, включившее устную тюркскую эпическую традицию в письменную, и которое обеспечило её сохранность до современной эпохи для дальнейшей их передачи будущим поколениям.

Перспектива изучения произведений Низами Гянджеви видится в дальнейшем развитии исследования и прослеживании функциональных изменений художественного облика тюркского эпоса в письменной литературе.

Ключевые слова: эпос; фольклор; традиция; письменность; Низами Гянджеви; тюрки; огузы; Азербайджан; структура; образ; мотив; сюжет.

A. S. Khalilov

Turkic epic tradition and Nizami Ganjavi's activity (The article is dedicated to the 880th anniversary of Nizami Ganjavi)

Abstract. The article is devoted to the study of the Turkic epic tradition in its manifestations in medieval Azerbaijani literature. The purpose of this article is to investigate the material of the literary work of the Azerbaijani poet Nizami Ganjavi and discover the structural elements of the Turkic epic, including traditional folk epic motifs.

In the article, Nizami Ganjavi's works in the context of the relationship between oral and written traditions are investigated. The novelty of the work is that for the first time Nizami Ganjavi's work is considered for the study of

ХАЛИЛОВ Агаверди Сархан оглу – д. филол. н., зав. отделом обрядового фольклора Института Фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан.

E-mail: aqaverdi@yandex.ru

KHALILOV Agaverdi Sarkhan oglu – Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Ritual Folklore, Institute of Folklore, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

E-mail: aqaverdi@yandex.ru

the Turkic traditional epic structure. The material for the study is Nizami Ganjavi's works and the materials of the Oghuz epic, including the non-Turkic epic, Khagan Shu, The Book of Dede Gorgud, Leyli and Majnun and so on. The historical-comparative and functional-semantic analysis of the epic elements identified in Nizami Ganjavi's works and existing in the oral tradition of the Turkic epic are carried out. The descriptive and structural-semantic methods are used in the analysis.

The analysis confirms that Nizami's work includes the traditions of the Turkic epic and their various forms, including images, motifs and plots. The structural elements of the epic are preserved in various motifs in the works of Nizami Ganjavi. Many epic elements in Nizami Ganjavi's work coincide with the Turkic epic. Some elements in the works of the poet expand the information about the ancient Turkic epic. The poet's works retain epic structural elements in older forms and provide material for comparing it with the modern state. The epic elements recorded in the works of Nizami Ganjavi make it possible to compare them and determine the changes in the structural and functional direction. Based on this diachronic analysis, it is possible to determine the ancient forms of the Turkic epic, including traditional epic materials – legends, rumors and “epics”. A comparative analysis of this kind of epic also helps to identify archaic structures.

In the article the importance of Nizami Ganjavi's works, in which many epic elements are preserved and passed on to future generations, is mentioned. The works of the great Azerbaijani poet Nizami Ganjavi as one of the trusted sources include the oral Turkic epic tradition in the written tradition and ensure its preservation until the modern era.

The perspectives of studying the Nizami Ganjavi's works are seen in the fact that this will allow us to observe the functional changes in the development of the artistic image of the Turkic epic in written literature.

Keywords: epic; folklore; tradition; writing; Nizami Ganjavi; Turks; Oguzes; Azerbaijan; structure; form; motif; plot.

Введение

Одним из источников для изучения тюркской эпической традиции является творчество великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. В его творчестве имеются пережитки тюркского эпоса и структурные элементы эпической традиции, по которым можно определить прежнее состояние азербайджанского эпоса. Также творчество Низами Гянджеви по своей структуре тесно связано с тюркской эпической традицией. Тюркский эпос можно изучать с привлечением произведений Низами Гянджеви, т. к. творчество поэта предоставляет богатый материал для изучения тюркских эпических элементов.

Творчество Низами Гянджеви содержит в себе ценный материал для изучения идеи, художественных особенностей, формы и содержания эпоса на уровне трансформации в письменную культуру. В произведениях поэта использованы многие народные легенды, предания, мотивы и сюжеты эпоса. Анализируя творчество поэта, можно проследить исторические процессы в эпической традиции и определить структурные элементы эпоса в их художественно выработанной форме. Ведь интересные процессы в формировании и актуальном членении тюркского эпоса происходили именно в середине Средневековья. Поэтому, влияние исламской цивилизации на философскую основу тюркского эпоса ярко отражается в произведениях Низами Гянджеви. В творчестве поэта оптимально соединяются героическое прошлое и религиозные ценности. Традиция тюркского эпоса и восточная литературная традиция вместе с исламской религией создают богатый по форме и содержанию художественный материал. Данный материал также ценен для изучения тюрко-азербайджанской эпической традиции.

Целью исследования является выявление эпических элементов в творчестве Низами Гянджеви. Одна из главных задач работы – обнаружить пережитки древнетюркского эпоса в творчестве поэта. В сравнении с другими письменными памятниками в произведениях Низами Гянджеви можно определить процесс исторического и художественного развития эпоса.

Структурные особенности эпических текстов в творчестве Низами Гянджеви выявлены с помощью анализа материала в сравнительном освещении с тюркским эпосом. Творчество поэта нами было исследовано с помощью историко-сравнительного и структурно-семантического методов. В ходе исследования мы обращались к методу сравнения текстов и структурному анализу. Для достижения теоретико-методологической полноты итогов и обобщений использованы исследования известных ученых М. Алекперова [1], А. Мубариза [2], Х. Араслы [3].

Научная новизна работы определена его актуальностью в современной фольклористике. Впервые сделана попытка историко-сравнительного анализа тюркской эпической традиции в творчестве Низами Гянджеви наряду с другими письменными памятниками и азербайджанским фольклором. Привлечено большое количество эпического материала, позволяющего определить сходства структур. Тюркоязычные и персоязычные материалы проанализированы в сравнительном аспекте, и в них выявлены традиционные структуры тюркского эпоса.

Тюркская эпическая традиция имеет богатое разнообразие по форме и по содержанию. Азербайджанский эпос, как составная часть тюркского эпоса, имеет общую тюркскую структуру. В эпосе и в произведениях Низами Гянджеви было выявлено немало сходств структурных элементов, в т. ч. сюжетов, мотивов и образов. Творчество поэта, которое богато эпическими элементами, является уникальным материалом для изучения традиционной эпической культуры. Творчество Низами Гянджеви включает в себя многие легенды, предания, пословицы и структурные элементы устного народного эпоса.

Исследование поэтики творчества Низами Гянджеви показывает, что в его произведениях традиционные эпические элементы играют активную роль. Такие элементы тесно связаны с тюркским эпосом. Традиционные эпические элементы и мотивы эпоса в творчестве Низами используются в основном для создания эпического образа героев.

Тюркская эпическая традиция имеет древнюю историю и богата материалами эпических текстов разных эпох. Она развивалась и в среде азербайджанского фольклора с древних времен. Это подтверждается множеством текстов эпоса из цикла «Огузнаме», что означает в переводе «эпос огузских тюрков». Азербайджанцы, как наследники огузских и частично кыпчакских тюрков, продолжили эпическую традицию и в устной форме, и в письменной литературе. Учитывая зарождение тюркской письменной культуры в начале Средневековья, вполне закономерно, что эпические тексты письменной литературы отличаются богатством и разнообразием. В какой-то мере древняя тюркская эпическая традиция подтолкнула письменную литературу своим мощным толчком вперед. Факты существования текстов архаического эпоса дают определенное представление о бытовании эпической традиции в древности среди тюрков, огузов, азербайджанцев.

Азербайджанские легенды и предания в творчестве Низами

Творчеству Низами Гянджеви были посвящены многие исследования, в т. ч. о поэте и об эпосе «Книга Деда Коркуда» [1], об азербайджанских народных обрядах в творчестве поэта [2], о народных изречениях в его произведениях [3] и др. [4; 5; 6; 7; 8; 9]. В исследованиях отмечается, что творчество Низами Гянджеви было тесно связано с азербайджанским фольклором. «Наряду с другими источниками, Низами Гянджеви широко пользовался образцами письменного и устного народного творчества своего родного народа» [8, с. 7]. «В пяти поэмах» (Хэмсе) Низами Гянджеви встречаются сотни легенд разного объема. Некоторые из них создал сам поэт, некоторые написал с использованием письменных памятников, а часть освоил непосредственно из устной традиции. Перенял у народа, выработал, художественно усовершенствовал и вновь вернул народу.

«Главные темы эпосов Низами Гянджеви, как уже сказано, составляют древние события и легенды» [1, с. 25]. Так, в поэме «Хосров и Ширин» поэт пишет о своем намерении использовать народные легенды в своем творчестве:

Основываясь на одну добрую легенду,
Превратил в рай адский огонь [10, с. 65].

Здесь содержится глубокий религиозный смысл – превратить зло в добро, грех в вознаграждение. Это общий характер произведений Низами Гянджеви – везде и всегда пропагандировать гуманизм, доброту и справедливость.

В его первой поэме «Сокровищница тайн» также использованы многие азербайджанские народные легенды и предания, например: «Соломон и пахарь», «Беседы Нуширавана с совами», «Султан Сенджер и старуха», «Сказ о Фридуне и олене», «Сказ о Харуне ар Рашиде и брадобрее» и др. «Сказ о Фридуне и олене» Низами Гянджеви почти идентичен с народной легендой под названием «Кровавый камень». В обоих текстах рассказывается о любви охотника и об его охоте на оленя ради встречи со своей возлюбленной. Здесь же описывается самопожерт-

вание камней, которые защищают оленя от стрелы охотника, что создает эмоциональный эффект. Охотник раскаивается, отказывается от своего намерения. А о камнях скалы около города Гянджи, защитивших оленя, узнал весь народ и создал легенды. Низами Гянджеви использовал этот мотив из народной легенды для более эмоционального выражения глубокого гуманизма своей идеи.

Одним из рассказов «Сокровищницы тайн» является «Дастан (эпос) о Харуне ар Рашиде и брдобрее», который сходится с народной легендой «Пленник падишах (царь)». В обоих текстах раскрываются возможности богатства и денег, и то, как они меняют характер человека. Поэт переработал этот мотив в более художественный вариант.

Представленная также в «Сокровищнице тайн» легенда «Цвет и яд» по своим главным мотивам сходится с народной легендой «Знахарь и его ученик». В этих текстах рассказывается о соревновании по приготовлению сильного яда. По условиям соревнования, каждый принимает яд, приготовленный соперником, и у кого яд сильнее, тому удастся остаться в живых. Так, один начинает готовить яд, а другой просто делает вид, будто готовит сильный яд, но делает это очень долго. Первый изготовитель яда, скрыто наблюдая за работой соперника, умирает от страха, а не от яда. Таким образом, получается наоборот: побеждает умный и терпеливый. Этот мотив в народном фольклоре и в творчестве Низами Гянджеви идентичен.

В следующей поэме «Лейли и Меджнун» использованы мотивы народного предания «Собака и молодой парень». Эти мотивы поэт использовал также в поэме «Семь красавиц». В них собака выступает в образе, изображённом с двух полярных позиций: для выражения преданности и предательства. В поэме «Семь красавиц» можно наблюдать и мотивы азербайджанских народных легенд, таких как «Крепость Дербенд», «Легенда о голубе», «Легенда об онджегала» и др.

Также в творчестве поэта использованы басня «Муравей и куропатка», народные легенды «Соловей», «Продавец фруктов и лиса», «Охотник, собака и лиса» и др.

Низами Гянджеви во «Введении» к «Хосрову и Ширин» написал так:

Был известен сказ о «Хосров и Ширин»,
Однако не был эпос таким сладким,
Хотя, приятен духу этот эпос,
Осталась в занавеске эта невеста давно [10, с. 66].

Азербайджанские пословичные изречения в творчестве Низами

Низами Гянджеви использовал из тюркской эпической традиции многие народные изречения, паремииологические единицы, в т. ч. азербайджанские пословицы. Говоря о пословицах, следует отметить, что многие их образцы универсальные, т. е. встречаются в фольклоре многих народов в идентичных формах. Но, есть и такие пословицы, которые являются специфичными и принадлежат конкретно одному народу. Таким образом, в произведениях Низами наблюдаются многие азербайджанские пословицы, переведенные на персидский язык самим поэтом. Например, «Трава растет на своих корнях», «Кошка ест своего младенца от любви», «Дерево ивы не даст плодов», «Повесят овцу за ноги овцы, а козла за ноги козлы», «Кто роет колодец другому, тот сам упадет туда» и т. д.

Древнетюркский эпос в творчестве Низами

Вопросы, которые поставлены в этой статье не были исследованы в предыдущих работах. Здесь рассматриваются тюркские эпические структурные элементы, из которых образуется эпос. Наряду с традиционными эпическими элементами впервые привлекаются к исследованию также пережитки древнетюркского эпоса в контексте творчества Низами Гянджеви. Одним из малых текстов древнетюркского эпоса в творчестве Низами Гянджеви является «Шу хаган» [11, с. 135]. Сведения об этом эпосе, об его отрывках и пережитках мы находим в разных памятниках. Более полная информация о Шу хагане содержится в «Словаре тюркских языков» («Дивану лугатит тюрк») Махмуда Кашгарского. Автором XI века Махмудом Кашгарским зафиксировано много произведений народного фольклора, в т. ч. отрывки из эпоса «Шу хаган». Эти тексты, хотя они небольшие по объему и содержат лишь несколько мотивов, вполне излагают сюжет эпоса. Наиболее популярный из мотивов связан с Александром Македонским, который известен в тюркской эпической традиции как «Искендер», «Искендер Зулкарнейн», что

означает в переводе из арабского языка «двурогий Искендер». Интересным представляется сравнение этого мотива с материалами тюркского эпоса и поэмы «Искендернаме» Низами Гянджеви. В устной народной традиции азербайджанцев легенды, связанные с личностью Искендера Македонского, также весьма популярны. Одним из таких легенд является «Искендер и парикмахер», другое название – «У Искендера есть рога». В ней говорится о том, что у Искендера на голове были рога, и он после каждой стрижки волос убивал парикмахера, чтобы никто не знал о его уродстве, о его тайне. Однако один парикмахер умолял Искендера так, что он помиловал его с условием держать тайну до смерти и, таким образом, парикмахеру удалось остаться в живых. Парикмахер долго хранил тайну Искендера, но это его постоянно беспокоило. Наконец, он находит колодец и говорит колодцу шепотом, что у Искендера на голове рога. В колодце же рос камыш, из которого потом некий пастух делает дудку и играет на ней. А из дудки слышится, что «у Искендера рога». Это притча передает народную мудрость о том, что тайну невозможно скрывать долго: если о ней знает хоть один человек, то узнают и все. А на самом деле, неизвестно, были ли рога у Искендера или нет. Мы предполагаем, что, скорее всего, это был шлем с рогами, т. к. есть сведения о подобных военных формах в древности. И вполне возможно, что подобные слухи специально распространяли сторонники Искендера с целью запугать людей, создать представление о непобедимости Искендера и его армии.

В тексте же «Шу хаган» Махмуда Кашгарского рассказывается о встрече Искендера с хаганом Шу. Искендер с большой армией нападает на страну хагана Шу и старается захватить ее. Однако, за счет мудрости хагана Шу народ страны сумеет защититься от беспощадного врага. Вследствие мудрого поведения хагана Искендер раскаивается в содеянном и берется за восстановление тех разрушений, которые он совершил в стране хагана Шу. Хаган Шу одерживает победу над великой армией Искендера только благодаря своему яркому уму, а не силе.

В «Искендернаме» Низами Гянджеви этот мотив проявлен иначе – в поэме рассказывается о переписке Искендера с хаганом. Искендер, завоевав большую часть древнего мира, приходит к границам Китая. Он пишет угрожающее письмо хагану, и хаган отвечает ему тоже письмом. Интересно, что в письме Искендер обращается к хагану как к «китайскому тюрку». В оригинале, т. е. в тексте на персидском языке это обращение звучит как «Эй, тюрки Чин», что означает в переводе «О, китайский тюрк». Известно, что тюркские народы издревле жили в Китае, и во время похода Искендера на Китай властителем (хаганом) Китая был тюрк. Вот почему Искендер так обращается к нему. К сожалению, должен отметить, что в переводах произведений Низами Гянджеви на современный азербайджанский язык эта фраза была искажена. В исследовании мы использовали тексты на персидском языке, т. е. его оригинальные варианты. Хаган отвечает Искендеру очень мудро, вежливо и с уважением. Искендер настолько был впечатлен его письмом, что передумал захватить и разрушить страну хагана. Далее между ними возникает дружба и доверие.

Стоит рассмотреть имя упомянутого китайского хагана Шу. Как утверждается в произведении Низами Гянджеви, по национальности он – тюрк. А переводчики советского периода допускали достаточно серьезные ошибки. Имя Шу на китайском языке означает «луна». Нам известны тюркские мифологические генеалогии, в которых составлена система названий таких астрологических понятий, как солнце, луна, небо, звезда, гора, море (гюн, ай, гой, йылдыз, даг, дениз). Во многих эпических текстах можно обнаружить имя Гюн (Солнце) хана. Он представляется как сын мифологического предка Огуз хана. Одним из шести сыновей Огуз хана является и Ай (Луна) хан (Шу). Скорее всего, Ай хан вошел в китайские источники в переводе произведений на китайский язык и сохранился как Шу. Махмуд Кашгарский зафиксировал эти сведения именно в Китае. Область Кашкар, где издревле жили тюрки, ныне входит в территорию Китайской Народной Республики. Имена «Шубай» (бай (господин) Шу), «Шугаиб» (исчезнувший Шу) хранятся в азербайджанской ономастической традиции собственных имен до современности. Преемственность и популярность личных имен в традиции еще раз доказывает, что имя героя древнего периода Шу сохранился в народе с почтением и с любовью. Для того, чтобы не забыть своего героя, народ его имя давал своим сыновьям. Часть огузов, которые в древности жили в восточном Туркестане, также сохранили эту традицию, а посредством их походов в Средневековье, традиция передалась и азербайджанским тюркам. Таким образом,

наряду с именами народных героев – Мете, Атилла, Огуз, Эр Тогрул, Эр Соготох, Алп Эр Тонга, Алп Манас, Алп Арслан и мн. др., имя Шу сохранилось в сердце народа и в его традиции имянаречения.

Опираясь на средневековые письменные источники, думаем, что можем восстановить часть героического эпоса «Ай хан». Эпос существовал в древности, еще до н. э. в среде тюркских народов. Каждый создатель народного эпоса, т. е. народ, который создал эпос, делает своего героя победителем. Герой и антигерой создаются не в равных силах. Антигерой представляется сильнее героя с целью обеспечить драматизм конфликта или борьбы. Хотя Искендер был великим полководцем и захватил огромную часть мира, в эпосе Ай хан его победил. Этот мотив сохранился в народе, может быть, и в древних письменных памятниках, известных с периода раннего Средневековья, и до времени Махмуда Кашгарского и Низами Гянджеви. Интересен тот факт, что легенды об Искендере в Азербайджане достаточно популярны. «У Искендера имеется рога», «Поход Искендера в страну тьмы», «Поиски Искендером вечной жизни», «Похороны Искендера» и т. д. включены в книгу «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран» (1930) [12]. Некоторые из этих текстов даже имеют варианты, которые нам известны как легенды о пророке Соломоне, в которых говорится о его знании языков птиц. Образ Искендера в тюркской эпической традиции распространился в основном как положительный герой.

Поэма Низами Гянджеви об Искендере, представляющая собой огромный письменный эпос, состоит из двух частей: «Шерефнаме» и «Игбалнаме». Её герой берет далеко не все героические качества прототипа, а впитывает представления тюркского народа о герое и героизме в основном из тюркской эпической традиции. Поэтому произведения Низами Гянджеви являются ценным источником тюркского эпоса. В какой-то мере творчество поэта включается в тюркскую эпическую традицию, является составной частью тюркского эпоса в его письменном, творческом варианте. Следует отметить, что текст эпоса, в котором проявляется народное мышление, переводится только по «внешнему облику». А схемы, коды и сведения, выражающие азербайджанско-тюркское мышление, остаются неизменными. Они носят инвариантный характер и являются элементами одной и той же национальной эпической системы. Такие единицы, как схемы, коды и сведения, характеризуются «сверхязыковыми единицами». Сокровищницей азербайджанского художественного мышления является «Пятерица» Низами Гянджеви – «Хэмсэ». В этих поэмах более чем достаточно даны образцы азербайджанского фольклора. Поэт использовал в своем творчестве богатый материал азербайджанского фольклора, в среде которого он жил сам.

Любовный эпос в творчестве Низами

Согласно требованиям эпического стихотворения, Низами Гянджеви широко использовал традиционные эпические сюжеты. Он обращается к теме любовного эпоса «Лейли и Меджнун» не случайно. С одной стороны, это был, как бы, заказ со стороны властей написать поэму на тему любви, а с другой стороны, для Низами эта тема не была чужда, т. к. он и на основе поэмы «Хосров и Ширин» создал любовный эпос «Фархад и Ширин». Имена Лейли и Меджнун имеют арабское происхождение, но сама легенда – общевосточная. Каждый народ создавал свой вариант эпоса «Лейли и Меджнун». Некоторые авторы считают, что легенда о Лейли и Меджнуне существовала еще и в древнем Вавилоне. Тема «не воссоединения с возлюбленной» была широко распространена на Востоке издревле. Один из ярких примеров – это эпос «Асли и Кэрем», архетипом которого являются, скорее всего, мотивы «Баян Сулу и Козы Корпеш». Эта легенда превратилась в любовный эпос в Средневековье. Низами Гянджеви дал особый толчок этой теме, создав миниатюрную любовную поэму на основе народного эпоса. Эпос «Лейли и Меджнун» существует и в азербайджанской устной традиции. Поскольку имя Меджнун означает «сумасшедший», то этот образ следует рассматривать как образ традиционного сумасшедшего. Мотив сумасшедшего в огузском героическом эпосе имеет черты героического характера. Архетип же, разумеется, стоит искать в архаическом ритуале. Для сравнения типов сумасшедших заслуживает особого внимания образ Дэли Домрул в «Книге Деда Коркуда» [13, с. 177]. Также есть образ с похожим именем – это Джунун из эпоса «Короглу». Сумасшедшие от любви и от героизма, они создают два типа сумасшедшего, и оба берут свои корни от архаического ритуального переходного персонажа [14, с. 185].

Азербайджанский любовный эпос сформировался из любовных мотивов героического эпоса и совершенствовался в эпоху суфизма. Определенную роль в этом процессе сыграли «ашыги» (азербайджанские и тюркские народные певцы). Огузский героический эпос исполнялся под музыку гопуза огузскими озанами (народными певцами). Низами Гянджеви прекрасно знал народную культуру и эпическую традицию, о чем свидетельствуют его произведения. И, видимо, не случайно в азербайджанской музыкальной традиции одна из мелодий «мугама» под названием «Раст-пэнджгах» имеет название «Лейли и Меджнун».

Творчество Низами и азербайджанская эпическая традиция

Низами Гянджеви не только возобновил древнюю тюркскую эпическую традицию, использовал мотивы древнетюркского эпоса, но и своим творчеством дал толчок для создания многих новых эпосов. Предполагается, что эпосы «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Принц Бахрам», «Магомед и Гюландам» были написаны под влиянием произведений Низами Гянджеви.

Одним из любопытных вопросов тюркской эпической традиции является музыкальное сопровождение эпоса. Богатый материал по этому вопросу можно найти также в творчестве Низами Гянджеви. Особенно часто автор обращается к вопросам музыки в «Хосров и Ширин» и в части «Игбалнаме», в поэме «Искендернаме». В них он упоминает такие музыкальные инструменты, как уд, тамбур, ней, саз (сетар) и др. Здесь привлекает внимание описание струнного инструмента «сетар», предок «саза». Поэт не просто изображает музыкальный инструмент, он говорит о его строении и функции. Это свидетельствует о том, что Низами Гянджеви прекрасно знал азербайджанскую музыкальную культуру и музыкальное сопровождение эпоса, лады и настройки саза. Например, в его произведениях встречаем такие фразы, как «на кривом ладе не играть музыку» [15, с. 46], «не пой на нарушенном ладе песню» [15, с. 96], «взять в руки саз и играть мелодию» [10, с. 67] и др. А в поэме «Хосров и Ширин» есть выражение «Саз-Новруз», что является одной из азербайджанских традиционных мелодий [8, с. 14–15].

Следует отметить, что в азербайджанской народной традиции эпос исполняется с музыкальным сопровождением. В раннее Средневековье сказителями эпоса были «озаны» и они пели сказы под музыку «гопуза». Уже начиная с X в. тюркская традиционная музыка вошла в синтез с восточной музыкой. Роль «саза» (струнного музыкального инструмента) расширилась, и в результате «саз» занял место «гопуза» (старинный струнный музыкальный инструмент). Далее, «озанов» вытеснили «ашыги». В этом процессе значительную роль сыграли суфийские движения и секты. Влияние суфийских течений на эпос было сильное, начиная с его исполнителей до содержания эпоса, где главной идеей становится «любовь Аллаха», а главной философией – «единство». Наряду с героическим эпосом формируются и новые типы любовных эпосов с суфийским содержанием. И в начальном этапе этого процесса значительную роль сыграло именно творчество Низами Гянджеви.

Заключение

В результате изучения богатого материала произведений Низами Гянджеви можно сделать вывод, что поэт хорошо знал устную эпическую традицию своего народа и активно обращался к этому источнику. Азербайджанский фольклор занимал значительное место в творчестве поэта. Знание тюркской эпической традиции дало возможность поэту создать свои письменные героические и любовные эпосы. В этом сыграли определенную роль и тюркская эпическая традиция, и большой талант великого поэта. Произведения Низами Гянджеви, кроме того, что содержат качества художественного искусства, являются также большой фольклорно-этнографической энциклопедией. В этой энциклопедии были отражены разные образцы устного народного творчества, разные жанры азербайджанского фольклора и богатые сведения об азербайджанской этнографии.

Большинство произведений Низами Гянджеви берут свое начало от азербайджанского фольклора. Поэт творчески относится к фольклорным материалам и создает на их основе свои новые художественные произведения. По материалам, которые послужили источником для Низами Гянджеви, можно восстановить богатую антологию фольклора.

Главная идея творчества Низами Гянджеви совпадает с духом тюркского эпоса. Поэт создает свой эпос по структуре тюркского эпоса, который был хорошо известен ему. Анализ

творчества Низами показывает, что в его произведениях тюркские традиционные эпические элементы играют активную роль. Такие элементы существуют в устной традиции тюркского эпоса. Традиционные эпические элементы и мотивы эпоса в творчестве поэта употребляются для создания эпического образа героев с тюркским характером.

Поэт использует популярные в тюркской эпической традиции героические и любовные сюжеты. В создании авторских эпических произведений в качестве художественного сырья послужили народные легенды, предания и эпос, бытующие в устной традиции. Например, легенды об Искендере и пережитки древнетюркского эпоса «Шу хаган». Благодаря им, образ героя был создан поэтом по традиционному тюркскому представлению о герое. Также отметим сюжеты о Фархад и Ширине, о Лейли и Меджнуне и другие сказочные сюжеты.

В произведениях Низами встречаются многие тюркские традиционные эпические мотивы (мотив рождения, мотив наречения героя, мотив героического сватовства и т. д.). Например, мотив рождения героя можно сравнить с рождением Хосрова в «Хосров и Ширин» и Бамсы Бейрека в «Книге Деда Коркуда».

Таким образом, тюркская эпическая традиция сыграла значительную роль в творчестве Низами, она создала плодотворную основу для творения монументального письменного эпоса.

Литература

1. Ələkbərov M. Nizami Gəncəvi və Azərbaycan xalq yaradıcılığı. Namizədlik dis. avtoref. – Bakı, 1947. – 25 s. (На азербайджанском яз.)
2. Mübariz Ə. Azərbaycan folklorunun Nizami yaradıcılığına təsiri // Ədəbiyyat. – 1938, 24 iyun. – S. 3. (На азербайджанском яз.)
3. Araslı H. Nizami yaradıcılığında el sözləri // Xəbərlər. – 1942. – № 8. – S. 3–16. (На азербайджанском яз.)
4. Xəlil A. Orta əsr dünya modelinin strukturu və mifoloji arxetipləri // Rzasoy S. Nizami poeziyası : mif və tarix. – Bakı : Səda, 2003. – 200 s. (На азербайджанском яз.)
5. Kərimli T. Nizami və tarix. – Bakı : Elm, 2002. – 244 s. (На азербайджанском яз.)
6. Xəlil A. Nizami və folklor : şifahi və yazılı ənənənin əlaqləri kontekstində. – Bakı : Nurlan, 2013. – 214 s. (На азербайджанском яз.)
7. Paşayev S. Nizami və folklor. – Bakı : Bilik, 1976. – 65 s. (На азербайджанском яз.)
8. Paşayev S. Nizami və xalq əfsanələri. – Bakı : Gənclik, 1983. – 128 s. (На азербайджанском яз.)
9. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi / redaktoru H. Araslı, M. Quluzadə, M. Cəfərov. – Bakı : Az. CCR EA nəşriyyatı, 1960. – 589 s. (На азербайджанском яз.)
10. Nizami. Xosrov və Şirin / fars dilindən tərcümə edən Rəsul Rza. – Bakı : Lider, 2004. – 392 s. (На азербайджанском яз.)
11. Xəlil A. Mahmud Kaşqarlının “Türk dillərinin divanı kitabı”nda ədəbi mətnlər. – Bakı : Səda, 2001. – 182 s. (На азербайджанском яз.)
12. Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Т. 1 / под ред. А. Багри. – Баку : Изд-во научно-исследовательского института, 1930. – 181 с.
13. Kitabı Dədə Qorqud / tərtibçilər Samət Əlizadə və Fərhad Zeynalov. – Bakı : Yazıçı, 1988. – 265 s. (На азербайджанском яз.)
14. Xəlil A. Oğuz eposunun riyual əsasları. – Bakı : Elm və təhsil, 2016. – 288 s. (На азербайджанском яз.)
15. Nizami. İsgəndərnamə (İqbalnamə). – Bakı : Gənclik, 1967. – 188 s. (На азербайджанском яз.)

References

1. Alekperov M. Nizami Ganjavi and Azerbaijani folk art. Abstract of the dissertation of Doctor of Philological Sciences. Baku, 1947, 25 p. (In Azerbaijani)
2. Mubariz A. Influence of Azerbaijani folklore in the works of Nizami. *Edebiyat*. 1938, June 24, p. 3. (In Azerbaijani)
3. Arasly H. Folk words and sayings in the works of Nizami. *Vesti*. 1942, no. 8, pp. 3–16. (In Azerbaijani)
4. Khalilov A. Structures and mythological archetypes of the model of the world of the Middle Ages. In: Rzasoy S. Poetry of Nizami: in the context of myth and history. Baku, Sada Publ., 2003, 200 p. (In Azerbaijani)

5. Karimly T. Nizami and history. Baku, Elm Publ., 2002, 244 p. (In Azerbaijani)
6. Khalilov A. Nizami and folklore in the context of the relationship between oral and written tradition. Baku, Nurlan Publ., 2013, 214 p. (In Azerbaijani)
7. Pashaev S. Nizami and folklore. Baku, Bilik Publ., 1976, 65 p. (In Azerbaijani)
8. Pashaev S. Nizami and folk legends. Baku, Ganjlik Publ., 1983, 128 p. (In Azerbaijani)
9. History of Azerbaijani literature. Ed.: H. Arasli, M. Guluzade, M. Jafarov. Baku, Publ. House of the Academy of Sciences ASSR, 1960, 589 p. (In Azerbaijani)
10. Nizami. Khosrov and Shirin. Transl. by Rasul Rza. Baku, Leader Publ., 2004, 392 p. (In Azerbaijani)
11. Khalilov A. Literary texts in the book "Dictionary of Turkic languages" by Mahmud Kashkarsky. Baku, Seda Publ., 2001, 182 p. (In Azerbaijani)
12. Folklore of Azerbaijan and adjacent countries. Vol. 1. Ed. A. Bagri. Baku, Publ. House of Research Institute, 1930, 181 p. (In Russ.)
13. Book of Dede Korkud. Comp. by S. Alizade and F. Zeynalov. Baku, Yazychi Publ., 1988, 265 p. (In Azerbaijani)
14. Khalil A. Ritual foundations of the Oghuz epic. Baku, Elm ve tehsil Publ., 2016, 288 p. (In Azerbaijani)
15. Nizami. Iskendername (Igbalname). Baku, Ganjlik Publ., 1967, 188 p. (In Azerbaijani)